

Та коробка с дорогими лекарствами так и осталась нетронутой.

Она стояла в углу стола со слезающей краской в съемной квартире — словно безмолвное предостережение.

Су Янь по-прежнему пользовался самыми дешевыми пластырями, каждый день уходя до рассвета и возвращаясь затемно, пытаясь вернуть свою жизнь в привычное русло.

Но колея уже была нарушена.

На съемочной площадке с раннего утра стояла тяжелая влажность.

Су Янь облачился в костюм третьего главного героя — сложный, многослойный наряд. Ткань неприятно терлась о кожу, пока он шел к гримерному зеркалу.

Раньше его красили потоковые ассистенты, используя общие пуховки, забитые остатками тонального крема разных оттенков.

Сегодня подошел старший гример с набором новеньких кистей в руках.

— Учитель Су, позвольте мне, — тон гримера был подчеркнуто вежливым, а на губах играла профессиональная улыбка.

От этого обращения — Учитель Су — спина Су Яня мгновенно окаменела. Он смотрел на отражение мастера в зеркале, но не ответил.

Гример, казалось, не заметила его странной реакции. Она открыла новый набор инструментов, выбрала мягкую кисть, набрала тональный крем — щетинки легко коснулись щек Су Яня. Это было непривычное, мягкое прикосновение.

Совсем не похожее на привычное грубое и небрежное размазывание.

Су Янь сглотнул, опустив взгляд на руки, лежавшие на коленях. На левой ладони края пластыря уже начали отклеиваться.

Он стал Учителем Су.

Только потому, что человек, стоящий на недостижимой высоте, запомнил его имя.

Это обращение, словно тонкая игла, вонзилось прямо в нервы.

В обеденный перерыв рабочий принес огромный термобак и громко крикнул:

— Еда! Все подходите за обедами!

Массовка и дублеры бросились вперед.

Су Янь тоже встал, собираясь присоединиться к остальным.

Однако к нему быстрым шагом подошел ассистент режиссера, держа в руках изящный контейнер из дерева с тонкой резьбой.

— Су Янь, — улыбка ассистента казалась натянутой, — это режиссер распорядился приготовить специально для тебя.

Вокруг мгновенно стихло. Все, кто стоял в очереди за обедом, замедлились. Десятки взглядов устремились на Су Яня, а затем сфокусировались на изящном контейнере.

По сравнению с пластиковыми коробочками остальных, он выглядел здесь совершенно чужеродно.

— Я поем то же, что и вся группа, — негромко сказал Су Янь, не притрагиваясь к еде.

— Ну как же так, — улыбка ассистента не дрогнула, — режиссер приказал. Ты теперь у нас под особой защитой. Ешь, пока не остыло.

Закончив, ассистент развернулся и ушел, словно выполнил важнейшую миссию.

Су Янь смотрел на контейнер.

Он не стал его открывать.

Он мог представить, что внутри: не жирный фастфуд, а сбалансированные, полезные блюда.

Это не то, что он должен был есть.

Встав, он подошел к толпе и взял обычный пластиковый бокс, как у всех.

Вернувшись в свой угол, он открыл крышку: рис оказался жестким, овощи — холодными. Он взял палочки и принялся механически жевать.

Он чувствовал, как эти взгляды — явные или украдкой — касаются его тела, словно бесчисленные руки. Су Янь опустил голову еще ниже, продолжая жевать с бездумной монотонностью.

А изящный контейнер так и остался лежать на столе, превратившись в предмет всеобщего обозрения.

Он объявлял всем вокруг: Су Янь — особенный.

Вторая половина дня была отведена под съемку внутренней драмы третьего героя. Никаких опасных трюков — нужно было лишь пройти в костюме по коридору из одного конца в другой.

Актер, официально исполняющий эту роль, задерживался из-за других съемок, и режиссер решил, что Су Янь прогонит сцену первым, чтобы выставить свет и камеру.

Из-за монитора раздался голос режиссера:

— Су Янь, готовься.

Су Янь встал в начале коридора и глубоко вздохнул.

Это была его самая привычная работа. Он бесчисленное количество раз выступал в роли живого реквизита, копируя перед камерой походку и осанку главных героев.

Но сегодня все было иначе.

Сделав первый шаг, он почувствовал, что на него устремлены взгляды всех присутствующих на площадке.

Режиссер, операторы, осветители, рабочие, массовка, отдыхающая в стороне.

Они больше не видели в нем простого дублера, безликую тень.

Они смотрели на него — на того самого Су Яня, которому оказал внимание Гу Ечэнь.

В их глазах читалось любопытство, придирчивость и желание вывести правду.

Казалось, эти взгляды обрели физический вес, надавили на плечи, просочились до самых костей.

Шаги стали тяжелыми.

Пол коридора был выложен гладкой плиткой. Су Янь чувствовал трение подошв, каждый шаг давался так, будто он ступал по вате или волочил за собой кандалы весом в тысячу фунтов.

На висках выступил пот, он слышал собственное сердцебиение — удар за ударом, как набат в ушах.

Путь был недлинным, всего несколько десятков метров, но сейчас он казался бесконечным.

Он чувствовал, что не играет роль, а проходит через публичную казнь: каждое движение, каждая мелкая реакция тела рассматривались под увеличительным стеклом.

— Стоп!

Внезапно раздался голос режиссера.

Су Янь замер, его тело слегка дрогнуло.

— Су Янь, что с тобой? — в голосе режиссера звучало недоумение, а не упрек. — Ты идешь слишком скованно. Расслабься.

Су Янь промолчал. Он поднял руку и вытер пот со лба, пальцы коснулись влажной холодной кожи.

— Ты плохо себя чувствуешь? — из глубины зала донесся голос режиссера с ноткой участия.

Это участие ранило сильнее, чем любой крик.

— Нет, — ответил он.

— Тогда еще раз. Следи за эмоциями: ты только что узнал тайну, внутри тебя борьба, походка должна быть тяжелой, но не деревянной, — терпеливо объяснял режиссер.

Су Янь вернулся в начало, закрыл глаза, пытаясь отгородиться от этих взглядов.

Но безуспешно.

Когда он снова открыл глаза, они все еще были там, словно невидимая сеть, крепко сковавшая его.

Он снова сделал шаг, пытаясь контролировать тело, чтобы походка выглядела естественнее.

Но чем сильнее он старался, тем больше подводило его собственное тело. Ноги налились свинцом, он начал сбиваться — та самая ошибка, которую дублер не должен совершать ни при каких обстоятельствах.

Он слышал в толпе сдавленный смешок.

Тихий, но он ударил по сердцу, как тяжелый молот.

Су Янь резко качнулся, споткнулся и, неуклюже сделав несколько шагов вперед, с трудом удержал равновесие.

На площадке воцарилась мертвая тишина.

Су Янь стоял посреди коридора, опустив голову. Его кулаки в рукавах были сжаты до боли, ногти глубоко впились в ладони, растравляя незажившую рану.

Он стал посмешищем для всей группы.

Дублер, которого благодетельствовал кинозвезда и выделил режиссер, не может даже нормально пройти.

Стыд накрыл его, как приливная волна, щеки горели, кровь ударила в голову.

Он лучше бы десять раз сорвался с высоты, чем стоял здесь, принимая все это на себя.

— Ладно, на сегодня всё, — голос режиссера нарушил тишину, в нем слышалась усталость. — Су Янь, иди отдохни.

Су Янь не шелохнулся.

Он медленно поднял голову и обвел всех взглядом.

Одни глаза отводили в сторону, в других читалось сочувствие, в третьих — злорадство.

Он наконец понял.

То, что дал ему Гу Ечэнь, — это не возможность и не доброта.

Это была роскошная клетка.

Он вытащил его из грязи, чтобы собственноручно запереть в этой клетке, на виду у всех.

Он больше не тот дублер Су Янь, который мог прятаться в тени.

Он — человек Гу Ечэня.

Этот статус оказался тяжелее любых доспехов.

<http://bllate.org/book/21842/2264535>